Русская речь
Russian Speech

№ 03 | 2023
С. / Pp. 21–39

Из истории русского языка

Забытая идиома со значением меры и степени

Яна Эмильевна Ахапкина, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Россия, Москва), yakhapkina@hse.ru

DOI: 10.31857/S013161170026401-0

АННОТАЦИЯ: Широко понимаемая семантика количества включает значение меры и степени, от максимально проявляющейся интенсивности признака, значения ‘очень’, до его полного отсутствия, значения ‘ничуть, нисколько’. В русской речи предложно-падежное сочетание *по + дательный падеж* в одном из употреблений превращается в формулу эталонности. Так, воспроизводимые сочетания *по чести, по совести, по правде* отражают значение ‘правильно, должным образом’, зафиксированное, в частности, в Малом академическом словаре. Национальный корпус русского языка показывает, что сходное употребление к концу XX века сформировалось у сочетания *по уму*. В XVIII–XIX вв. сема эталонности в сочетании с семами максимального проявления или полного отсутствия признака (действия) наблюдалась у выражения, вышедшего сегодня из употребления: *(ни) по булату*. Внутренняя форма сочетания отсылает к дамасской стали как образцу крепости, прочности, упругости и остроты. В примерах из текстов А. О. Аблесимова, И. М. Долгорукова, А. А. Шаховского, Г. Ф. Квитки-Основьяненко *ни по булату* означает, по-видимому, ‘нисколько, ни в малой мере’. У М. Н. Загоскина формула *быть честным по булату* приближается к значению ‘в наивысшей степени, по самому большому счету’.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: фразеология, идиома, семантический сдвиг, значение количества, значение меры и степени, семантика модальности, интенсивность, отсутствие, значение эталона

для цитирования: Ахапкина Я. Э. Забытая идиома со значением меры и степени // Русская речь. 2023. № 3. С. 21–39. DOI: 10.31857/S013161170026401-0.

благодарности: Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

From the History of the Russian Language

A Forgotten Idiom with the Meaning of Measure and Degree

Yana E. Akhapkina, National Research University "Higher School of Economics" (Russia, Moscow),
yakhapkina@hse.ru

abstract: Widely understood semantics of quantity includes the meaning of measure and degree, from the maximal intensity of a feature, the meaning of 'very', to its complete absence, the meaning of 'not at all'. In Russian speech, the prepositional-dative combination *po* + *dative case* in one of its uses turns into a sample, a prototype formula. For instance, the reproducible combinations *po chesti — by honour, po sovesti — by conscience* and *po pravde — by truth* reflect the meaning 'correctly, properly', recorded, in particular, in the Small Academic Dictionary. The Russian National Corpus shows that by the end of the twentieth century a similar usage was formed in the combination *po umu — by mind*. In the eighteenth and nineteenth centuries, the sema 'sample' in combination with the sema 'maximal manifestation' or 'total absence of a sign (action)' was observed in the expression that has gone out of use today: *ni po bulatu* — (nor) by bulat. The internal form of the combination refers to Damascus steel as a model of strength, durability, resilience and sharpness. In the examples from the texts of A. O. Ablesimov, I. M. Dolgorukov, A. A. Shakhovsky and G. F. Kvitka-Osnovyanenko *ni po bulatu* — (nor) by bulat means, apparently, 'not at all, not in the slightest'.

In M. N. Zagoskin, the formula *byt' chestnym po bulatu — to be fair by the bulat* comes close to the meaning 'in the highest degree'.

KEYWORDS: phraseology, idiom, semantic shift, meaning of quantity, meaning of measure and degree, semantics of modality, intensity, absence, prototype meaning

FOR CITATION: Akhapkina Ya. E. A Forgotten Idiom with the Meaning of Measure and Degree. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2023. No. 3. Pp. 21–39. DOI: 10.31857/S013161170026401-0.

ACKNOWLEDGEMENTS: This article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

Вступительные замечания. Широкая семантика может выражаться лексически, грамматически, фразеологически. Так, обобщенные значения времени, повторяемости ситуации, количества, определенности/неопределенности, указательности, отрицания/отсутствия чего-либо, меры и степени проявления признака, интенсивности действия или признака, скорости, модальности, полноты/неполноты, реального (действительного) воплощения, минимизации получают регулярное выражение устойчивыми сочетаниями слов с частично выветрившейся исходной буквальной семантикой компонентов и расширенной, относительно первичной, сочетаемостью [Баранов, Плунгян, Рахилина 1993, Рахилина 2019]. Часто у таких языковых единиц можно наблюдать и существенный сдвиг в значении сочетания, обусловленный метафорическими и метонимическими переносами [Кустова 2004] или тенденцией к грамматикализации [Герасимов 2016, Зеленин, Руднев 2021, Чень Сюецин 2022].

В качестве примера выветривания качественной семантики и актуализации семантики количественной можно вспомнить комментарий В. М. Мокиенко к фразеологизму *пруд пруди,* отражающий семантическую и грамматическую судьбу идиомы: «Перегораживание плотиной водоема с быстрым течением требовало немало всякого материала. Этот материал не отличался особой ценностью: запруду засыпали землей, укрепляли ветками, бревнами, камнями. Понятно, что прудить пруд можно было лишь тогда, когда такого материала было под рукой в избытке. Отсюда — истоки переносного значения фразеологизма… В XVIII–XIX вв.

оно <выражение. — *Я. А.*> управляло обычно творительным падежом… Постепенно такое управление становится все менее употребительным… Творительный падеж все активнее вытесняется родительным, что обусловлено все большей абстрагированностью выражения и влиянием семантического поля ‘много чего-либо’» [Мокиенко 2003].

Сравним примеры из Национального корпуса русского языка, относящиеся к XIX веку:

> ***Медом и маслом*** *хоть пруд пруди… ветер взвивает муку вместо пыли* (А. А. Бестужев-Марлинский. Письма из Дагестана. 1831); — *У нас в Москве, — продолжал Данила Никифорович, —* ***чего другого****, а* ***невестами-то*** *хоть пруд пруди!* (М. Н. Загоскин. Русские в начале осьмнадцатого столетия. 1848); *В то время* ***охотников*** *мало было, а теперь* ***ими*** *хоть пруд пруди* (М. Е. Салтыков-Щедрин. Современная идиллия. 1877–1883); *Он вообще дворян разделял на три разряда: на путных, «коих маловато»; на распутных, «коих достаточно», и на беспутных, «****коими*** *хоть пруд пруди»* (И. С. Тургенев. Отрывки из воспоминаний своих и чужих. Старые портреты. 1881); ***Извозчиков****, сами знаете, хоть пруд пруди, сено дорогое, а седок пустяковый, норовит всё на конке проехать* (А. П. Чехов. Кухарка женится. 1885–1886); — *Теперь в Питере* ***вашего-то брата, беглых разных****, пруд пруди!* (И. Д. Путилин. 40 лет среди грабителей и убийц. 1889).

Как видно из примеров, от метафорической и гиперболизированной конструкции с творительным падежом объекта вида «яблоками хоть пруд пруди» через гипотетически реконструируемую промежуточную стадию «яблок столько, что ими хоть пруд пруди» речевая практика переходит к собственно количественной конструкции с родительным падежом «яблок пруд пруди», где *пруд пруди* означает ‘очень много’, а первичная образность ослабевает, если не стирается. Неслучайно позиция средства для запруживания уже в ранних примерах может заполняться именами лиц (буквальная семантика выражения, в отличие от вторичной метафорической, изначально не предполагала одушевленности объекта).

Семантические преобразования, приводящие к переосмыслению качественного выражения как выражения с широко понимаемым количественным значением, не исчерпываются метафорой и гиперболой. Особый вид семантического переноса получил название ребрендинга [Рахилина 2010: 426–455; Карпова и др. 2011]. Этот перенос включает стадию семантического выветривания (потери исходного значения) и актуализацию нового широкого употребления, не поддающуюся описанию

в терминах метафоры и метонимии. В результате ребрендинга формируются такие типы значений, как оценка (положительная/отрицательная), степень (высокая/низкая), количество (большое/малое), разнообразие/неразнообразие, большой размер, одновременность, иммедиатность, аппроксиматив, безальтернативность [Карпова и др. 2011: 294].

Основной фонд широкозначных фразеологизованных конструкций русского языка классифицирован в тезаурусе [Баранов, Добровольский 2007] и описан в монографии [Баранов, Добровольский 2008].

Конструкция *по + датив*. Одним из примеров конструкции с модальной составляющей ‘нужно, следует’ и семой эталонности, максимального соответствия прототипу, в русской речи видится конструкция *по + дательный падеж*, представленная формулами *по чести, по совести, по правде, по уму*. Д. Э. Розенталь не приводит прототипических примеров для этого употребления, но, описывая семантику сочетания *по + дательный*, называет значение ‘при указании на то, в соответствии с чем совершается действие’ [Розенталь 2002: 255]. Это толкование иллюстрируется употреблениями *движение по графику, играть по правилам*. Ср. также *по существу, по порядку, по чертежу, по пунктам, по плану, по образцу, по шаблону*. Эта семантика ‘образца для соответствия’ может быть отправной точкой для осмысления рассматриваемых формул.

1. По чести

В Малом академическом словаре (МАС) [Евгеньева (ред.) 1988] фиксируются три устойчивых сочетания. Первое сочетание толкуется как собственно модальное:

> **По чести** — должным образом, по совести. — *Дети наши по чести жить хотят, по разуму.* М. Горький, Мать.

Второе сочетание обладает качественной семантикой, употребляется в контексте глаголов речи:

> **По чести (сказать)** (*в знач. вводн. сл.; устар.*) — откровенно, чистосердечно, начистоту. *[Князь:] Вы избегаете признательность мою. [Арбенин:] По чести вам сказать, ее я не терплю.* Лермонтов, Маскарад.

Третье сочетание с редупликацией, оно наиболее абстрактно из трех и допускает более широкое множество контекстов:

> **Честь честью** и **честь по чести** — так, как следует, как положено, как надо.

Общая важная сема всех трех устойчивых выражений — идея правильности, соответствия норме, эталону. В первых двух случаях сохраняется значение этичности, положительной морально-нравственной оценки ситуации, в третьем случае нормативность расширяется и за пределы этически оцениваемого положения дел. Сравним постепенный отход от морально-этической оценки в следующих примерах, датируемых началом, серединой и концом XX столетия:

— Береги, Емошин, потомство, грит… — А дале-то я и не упомнил. Беда, как длинно. ***Ответил*** *я ему как следоват,* ***честь по чести****. Попрощались мы за руку, говорю я ему на прощанье: — Поедем, профессор Николаев, в деревню, поможешь машинку поставить, а то опять баба ругаться начнет. Бабам всё неладно* (Вс. В. Иванов. Часы. 1920–1926); *Тоже* ***халат*** *на нем* ***честь по чести*** (Ю. Герман. Дорогой мой человек. 1961); *Все* ***честь по чести было щедро промазано маслом****, поворонка не стерлась, и только на ореховом ложе местами — щербинки* (О. Куваев. Территория. 1970–1975).

В последнем примере очевидно ослабление морально-нравственной оценки по сравнению с идеей широко понимаемой нормативности, правильности.

В словаре Р. И. Яранцева [Яранцев 1997] выражение помещено в раздел «пример, порядок — путаница, беспорядок» и трактуется с упором на модальный компонент и соответствие эталону, норме, традиции, правилам:

ЧЕСТЬ ПО ЧЕСТИ. Разг. Так, как надо, как положено, по всем правилам (делать что-л.).
Интонационно выделяется слово честь (во 2 случае). *Собрался Борька Назаровский в военную школу поступать. Провожали его домашние* ***честь по чести****.* А. Гайдар, Проводы.
По ухватке сторож лих, Кроет ***честь по чести****: — Не случилось никаких За ночь происшествий.* А. Твардовский, Еще про Данилу.
— У меня тоже есть такие. Двое даже в армии служат ***честь по чести****.* Ю. Герман, Наш друг Иван Бодунов.

2. По совести

В МАСе фиксируются два устойчивых сочетания. Первое толкуется через понятие правильности с уточнением морально-этического компонента: приведен синоним *справедливо*. Второе в контексте глаголов речи синонимично *по чести-2*.

По совести (жить, поступать и т. п.) (прост.) — правильно, справедливо.

По совести говоря (в знач. вводн. сл.) — говоря откровенно, чистосердечно. — *Жалко Рыжика! — сквозь слезы пробасила Любашка. По совести говоря, мне тоже было жаль кота*. Шуртаков, Где ночует солнышко.

В НКРЯ можно найти примеры, где вводное сочетание *по совести* означает не буквально ‘честно, по-честному, без обмана’, а расширенно ‘на самом деле, по-настоящему, в действительности, в реальности’:

Но что касается до выражения крыло вместо крылья, то, ***по совести****, надлежало бы изменить его, потому что птица может рассекать воздух только двумя крыльями, а на одном в воздухе даже и держаться не может* (С. П. Жихарев. Записки современника. 1806–1809).

3. По правде (ср. *поистине*)

В МАСе фиксируются два устойчивых сочетания. Первое с семой ‘правильно’, второе в контексте глаголов речи с семой объективной достоверности, что отличает его от *по чести-2* и *по совести-2*, в которых акцентированы семы чистосердечия и откровенности, то есть противопоставление строится по линии объективности и субъективности сказанного.

По правде (жить, поступать и т. п.) — честно, правильно.
По правде говоря (или сказать); правду говоря (или сказать) (в знач. вводн. сл.) — употребляется при подчеркивании истинности, достоверности сказанного. *Мы, по правде сказать, все-таки не были избалованы свежестью и обилием новостей.* Гаршин, Аясларское дело.

4. По уму

Подобная фразема в МАСе отсутствует. По-видимому, составители не сочли его обладающим переносным значением[1]. Однако обращение к НКРЯ показывает, что с конца XX века выражение употребляется функционально аналогично формулам *по чести, по совести, по правде* — в функции вводного слова или уточнителя модального показателя, в значении

[1] Благодарю анонимного рецензента, предположившего, что включению выражения в словарь помешала разговорная стилистическая окраска. Действительно, если для основных вокабул пометы *разговорное* и *просторечное* в МАС нередки, то для фразеологизованных употреблений, включенных в словарь, в большей степени характерен книжный характер, а помета *разговорное* часто соседствует для устойчивых выражений с пометой *устаревшее*.

правильности, эталонности (синонимично дискурсивному маркеру *на самом деле*)[2]:

***По уму**, надо было дойти до ребят, бросить мешок и сказать…* (К. Серафимов. Голубой сталагмит. 1978–1994; *Девочка еще спала, и он серьезно задумался, что с ней делать. **По уму** надо сдать находку в… Куда?* (Д. Липскеров. Последний сон разума. 1999); *Вообще-то **по уму** надо было бы немедленно звонить и вызывать наряд, а заодно и «скорую»* (А. Маринина. Последний рассвет. 2013).

Это современное употребление не противоречит возможному в узусе параллельному приглагольному обстоятельственному употреблению в значении ‘умно, разумно, осознанно, рационально’:

*Решать проблему с долгами надо **по уму**: прежде чем списывать старые долги, нужно создать условия, не допускающие появления новых* (М. Лапшин. России нужна новая аграрная политика // Независимая газета. 2003).

К выражениям *по чести, по совести, по правде, по уму* примыкает наречие *по-хорошему*, также получившее функцию дискурсивного показателя в современной речи:

*Судьбе бы, **по-хорошему**, в этом случае девушку сначала к психологу направить, а потом уже с кем-то соединять* (С. Скарлош. Механика судьбы // Кот Шрёдингера. 2017); ***По-хорошему** бы надо на другую сторону перебраться!* (Е. Мосолов. Селивёрст // Дальний Восток. 2019).

Для конструкции *по* + *дательный* просматривается потенциал выветривания буквального значения существительного и ребрендинга с актуализацией идеи эталонности и правильности. Широкая семантика высокого качества, в свою очередь, активно взаимодействует в лексической системе языка с семантикой большого количества (*много* осмысляется как *хорошо*, эта универсалия зафиксирована теорией концептуальной метафоры), с семантикой обилия и интенсивности проявления признака, то есть максимума, с одной стороны (ср. *богато угостить* ‘щедро’, *богато одарен* ‘талантлив’), и почти полного отсутствия, то есть минимума, с другой, ср. семантическую эволюцию сферы ‘чистый’ [Резникова, Печникова 2021], в которой взаимодействуют значение минимума или отсутствия и значение эталона: беспримесный –> идеальный (*чистое*

[2] См. также в «Словаре русского арго» по материалам 1980–1990-х гг. [Елистратов 2000: 361]: *По уму что, что делать и без дополнения — как надо, как полагается, «как у людей», пристойно, разумно, дальновидно, прилично, «солидно», без глупостей, без подвоха*.

золото ‘без примесей’, *чисто выговаривать* ‘без акцента’, *чисто вести дела* ‘без обмана’). Включение существительного в состав формулы с эталонной семантикой *по* + *дательный* может способствовать размыванию исходного значения и актуализации значения образца, предела: *по сути* и *по самой сути*, *по логике* и *по строгой логике*. Взаимодействие качественной и количественной семантики и выветривание исходного значения существительного рассмотрим на примере выражения из беллетристики прошлого, сохранившей для нас ушедшую из активного словаря фразеологию.

Забытая формула *(ни/и) по булату*. В текстах XVIII–XIX вв. обнаруживаются примеры лексического наполнения конструкции *по* + *датив*, позже вышедшего из употребления. Выражение не отражено ни в «Словаре Академии Российской» в статье с толкованием существительного [Словарь Академии Российской 1789–1794, т. 1: 380], ни в словаре М. И. Михельсона [Михельсон 1912: 63], что легко объяснимо выборочным характером попадания устойчивых выражений в ранние лексикографические труды [Биржакова 1965: 270].

Зафиксированы два варианта формулы: утвердительно-положительный и отрицательный. Представляется, что в первом случае речь идет о семантике эталонности, максимального соответствия норме, пика интенсивности, превосходной степени качества, а во втором, напротив, о значении ‘нисколько, ни в малой мере’. Таким образом, формула отражает полярные варианты количественной оценки — максимальной и минимальной меры и степени проявления признака. Хронологически раньше обнаруживаются отрицательные варианты, первый в 1780 году.

1. Семантика минимума: ‘ни за что, ни в коем случае, ни в малой мере’

Это значение контекстуально обусловлено. Формула присоединяется к глаголам *спускать-спустить* в значении ‘простить, не наказывать’, *уступать-уступить* <*в споре, поединке*>, *нарушить* <*слово*> при наличии перед глаголом отрицания.

*Нѣтъ, нѣтъ, теткѣ я никакъ не покорюсь! // И пускай хоть и въ конецъ я разорюсь // За тебя, а свому брату // **Не спущу и по булату!** // Вѣдь собой онъ не свережъ, // То готовъ съ нимъ хоть на ножъ* (А. О. Аблесимов. Счастье по жребью. 1780).

Формула появляется в сюжете противоборства, соперничества, любовного противостояния. Исходная семантика боевого противодействия, сопутствующая лексеме *булат* в начальном значении (*булатный нож,*

булатный меч, булат как метонимия войны), внешне поддержана предсказанием поединка на ножах, однако по сути употребление совершенно не сводится только к значению применения острого, упругого и прочного оружия. Говорящий не воин, он рисуется перед слушательницей, и выражение в его устах не воспринимается как буквальное, а реализует метафору мужского спора и любовного соперничества как поединка. Неслучайно готовность к воображаемому поединку предваряется указанием на слабость соперника (*свережий* ‘здоровый, видный, бравый’ [Князькова 1965: 210], то есть *не свереж* означает ‘слаб, хил’), что было бы невозможно в некомическом контексте. Удаляясь от буквальной семантики, распространитель при глаголе *не спустить* (‘не оставить без внимания, наказания’) приобретает значение категоричности, производное от семы твердости в исходном значении лексемы. Высказывание экспрессивно, глаголы сопровождаются квантификаторами: *никак не покорюсь*, *вконец разорюсь*. Усилительная частица *хоть* ‘даже’ усиливает формулу *готов с ним на нож*. В таком окружении *не спущу и по булату* также читается как глагол с интенсификатором. Частица *и* вместо *ни* в составе выражения аналогична вариативным употреблениям *не отступать и на йоту — ни на йоту*, *и пяди — ни пяди*.

> *С этого времени мы стали с Мясоедовым, как говорят французы, à conteaux tirés, то есть, на ножах. Я ему* ***не уступал ни по булату*** (И. М. Долгоруков. Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течении моей жизни. 1818–1820, окончание работы над текстом датировано по [Степанов 2002]).

Отношения конкуренции, соперничества, спора снова обозначены в примере сразу двумя идиомами — *быть на ножах* (‘враждовать’) и *не уступать ни по булату*. Обе идиомы связаны с идеей оружия как инструмента разрешения спора, но описывают невоенное взаимодействие. Исходная образность стирается и уступает место акцентированию остроты противоречий и твердости занятой позиции (ср. пословицу: *Шелк не рвется, булат не гнется, красное золото не стареет*). Эти значения можно отнести как к сфере семантики качества, так и к сфере интенсивности проявления признака (эталонной, предельной твердости).

Лиза (выходя): Да, чем смелей, тем лучше.
Куркин: Припугнуть хорошенько, да и на мировую… ведь этот Граф не военный?
Лиза: Нет.
Куркин: Так статской?
Лиза: Ни то, ни сё.

Куркин: Сиречь шематон: так для него худой мир лучше доброй брани.
Лиза: У него денег ни полушки, все проиграл…
Куркин: Так на отыгрыш рад всему будет… Стойте тверже, ***не спускайте ни по булату*** *и не забудьте ничего из вышереченного.*
Лиза: Стоять буду и ничего не забуду (А. А. Шаховской. Крестницы, или Полюбовная сделка. 1836).

Совет дается юной мирной особе, ведущая сема при употреблении выражения — необходимая твердость мнения, неколебимость воли, верность решению (*не спускать* здесь ‘не уступать’), качественная семантика соседствует с количественной, то есть подчеркнута мера категоричности запрета, его полнота, интенсификация предостережения, ср. *не спускайте ни за что, ни в каком случае*.

Тут выступил на сцену отец с своею твердою волею и сказал: Да. Я дал ***слово*** *и* ***не нарушу*** *его,* ***ни по булату*** (Г. Ф. Квитка-Основьяненко. Жизнь и похождения Столбикова (Жизнь и похождения Петра Степанова сына Столбикова, помещика в трех наместничествах. Рукопись XVIII века). 1841).

В контексте верности данному слову, как и в контексте спора или противоборства, на первый план выступает сема интенсивности.

Типичная сочетаемость глагола *уступать* в отрицательном контексте по НКРЯ демонстрирует показатели малой степени / отсутствия *нисколько, ни на шаг* и выражения, синонимичные *ни в коем случае* (*ни под каким видом, ни за что*):

Поставя себе важнейшим предметом удержаться в настоящем положении, я сделал нужные в сем случае распоряжении, приказав начальникам отрядов всеми мерами отражать стремление неприятеля и ***не уступать ни сколько*** *мест настоящих* (Д. С. Дохтуров. Рапорт М. И. Кутузову. 1812); *Русские* ***не уступали ни на шаг*** *места; дрались как львы*. (Ф. Н. Глинка. Письма русского офицера о Польше, Австрийских владениях, Пруссии и Франции, с подробным описанием отечественной и заграничной войны с 1812 по 1814 год. 1812–1817); Куруров: ***не уступать ни под каким видом*** (А. С. Грибоедов. Письма. 1828); *Но он* ***не уступал ни за что*** *и говорил, что, умирая, велит поставить ее против себя и будет благословлять милого сына своего и желать ему счастья и здоровья!* (Н. А. Полевой. Живописец. 1833).

Для *не нарушить* обнаруживаем контексты с зависимыми *ни в чем, ни разу, ни единым + творит.* Для *не спустить* типичны распространители *никому, ни в чем, ни одному + дат*. В этом ряду *ни по булату* может

расцениваться как один из показателей минимизации возможности отказа от принятого решения, маркеров тотальной невозможности изменить мнение, безусловности занятой позиции.

В двух случаях в вершине сочетания с *ни по булату* не обнаружился глагол. Можно предположить, что устойчивость связи с глаголами *не уступать, не спускать, не нарушать* настолько высока, что допускает эллипсис (ср. эллиптированный глагол в других устойчивых сочетаниях с показателем малой степени или отсутствия: *Я тебя отблагодарю; а с завтрашнего дня уж я ни-ни… **ни капли**!* (Г. П. Данилевский. Беглые в Новороссии. 1862); — *От ваших приказаний я **ни шагу**; а детки, сами знаете, и своих-то, может статься, не сумела бы так полюбить, как этих…* (В. И. Даль. Павел Алексеевич Игривый. 1847).

> Моргушкин. *Чего? Хотелось бы исполнить долг дворянский, послужить бы обществу совестным судьею или хоть бы уж и предводителем; все было бы уважение. Так вот беда моя с нашим уездным. Не вносит в список. За известные делишки я по суду оставлен в подозрении за лихоимство; но уже тому десятилетняя давность миновалась. Так и хочет не допустить меня к выборам. Спорю с ним, что это только подозрение и на улику я не сознался; **так ни по булату**. Что делать? Хоть буду действовать и устраивать по-своему* (Г. Ф. Квитка-Основьяненко. Выбор предводителя. 1828).

В претексте идиомы употреблен глагол *не сознался*. Его можно интерпретировать как гипоним к *не уступить, не отступиться*. В этом случае *ни по булату* осмысляется как интенсификатор отказа менять позицию в ряду таких типичных распространителей предиката отказа, как *ни за что, ни на шаг*: *так <не отступается, не уступает уездный / не отступлюсь, не уступлю уездному> ни по булату*. Существенно, что одним из типичных распространителей *не уступить*, по НКРЯ, выступает показатель минимальной степени *ни на волос*, подвергшийся ребрендингу и восходящий к сочетанию падежной формы существительного конкретной семантики с частицей и предлогом.

> *Дакалкин. Ах, матушка Федосья Лукишна! Разве вы не изволили слышать? Я за вас горой стоял и все его опровергал. Изволили заметить, что он вышел в неудовольствии на меня, но я на это не смотрю. Я на правду черт и **для истины ни по булату**!* (Г. Ф. Квитка-Основьяненко. Ясновидящая. 1830).

Здесь выражение употреблено в контексте отстаивания правоты. Можно предположить, что фрейм спора, конкуренции, противостояния

предполагает семантику *не спускать, не уступать*, с которой связана идиома в текстах авторов XVIII–XIX вв. (Аблесимова, Долгорукова, Шаховского), а предикат в речи персонажа опущен как однозначно восстанавливаемый.

2. Семантика максимума: ‘в высшей степени, по большому счету’

В положительном оформлении выражение встретилось в двух текстах одного автора в составе сочетания с вершиной *быть честным*. Этот фрейм отсылает к примерам из текстов Г. Ф. Квитки-Основьяненко (*быть для истины ни по булату, не нарушить данное слово ни по булату*)[3].

Нашъ губернаторъ былъ человѣкъ не ученый, всю жизнь служилъ въ военной службѣ и, какъ говорится, былъ ***честенъ по булату*** (М. Н. Загоскин. Искуситель. 1838); *Видно еще не перевелись* ***честные-то по булату****, православные люди, на святой Руси!* (М. Н. Загоскин. Русские в начале осьмнадцатого столетия. 1848).

Честный в текстах Загоскина означает ‘порядочный, приличный, верный принципам, чести’. В обоих случаях отрицается склонность персонажа к обману, хитрости или поиску выгоды, корысти, подчеркивается прямота героя и образцовость его честности. В первом употреблении подчеркивается естественность и даже наивность персонажа, противопоставленного ученым спорщикам, а во втором — бескорыстность полученного говорящим предупреждения (указано, что дочь говорящего замужем и искать личной выгоды в том, чтобы подольститься к ее отцу, предупредивший об опасности, с точки зрения говорящего, не мог). Важно, что в первом примере выражение сопровождается дискурсивным маркером *как говорится*, указывающим на его воспроизводимость, поговорочный характер, то есть устойчивость, фразеологизованность.

Внутренняя форма идиомы. Булат осмысляется как прочная и упругая сталь, эталон крепости и остроты.

Толкование по МАСу. БУЛА́Т, -а, м. Старинная узорчатая сталь высокой прочности и упругости, употреблявшаяся для изготовления холодного

[3] Благодарю анонимного рецензента за указание на сходство переосмысления выражения с семантическими процессами у показателей высокой степени *кристально* (*кристально честный, прозрачный*) и точности, обязательности *железно* (*— Мы вам будку отдельную дали, это прочнее всякого загса. Это уже значит железно* (Ю. Трифонов. Утоление жажды. 1959–1962). В этот ряд можно добавить современное употребление *железобетонно* и уходящее употребление *кремень* в значении верности данному слову, обещанию. Ведущей семой для переосмысления в этом случае оказывается твердость материала.

оружия. Корабельщики в ответ: — Мы объехали весь свет; Торговали мы булатом, Чистым серебром и златом. Пушкин, Сказка о царе Салтане. || Трад.-поэт. Стальной клинок, меч. Да, жаль его: сражен булатом, Он спит в земле сырой. Лермонтов, Бородино. Снаряжу коня, Наточу булат. Кольцов, Удалец [Евгеньева (ред.) 1988].

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что чистоту серебра и золота А. С. Пушкин подчеркивает, а чистота булата несомненна, включена в ядро значения лексемы. Л. П. Крысин, рассуждая о функции Magn, обращает внимание на ее возможную включенность в семантику лексемы, склеенность интенсификатора с качественным значением, необязательность внешнего синтаксического выражения при помощи прилагательного или наречия [Крысин 2012: 346–347]. Сема чистоты как беспримесности, в свою очередь, системно становится основой ребрендинга, ср. [Резникова, Печникова 2021]. В работе показано, как лексемы с коннотативной семой беспримесности в разных языках порождают переносные значения ясности, прозрачности, яркости, ценности и другие. Наречие *чисто* в русском языке, в свою очередь, подвергается ребрендингу и становится интенсификатором: *чисто историческое содержание, чисто петербургский характер*.

Эталонность булата как закаленной стали подчеркнута метафорическим уподоблением характера мастера продукту его деятельности:

Отец любил говорить: «Мы, Яковенко, мастера по булату, да и сами того же закала. Огонь и воду пройдем и только крепче станем» (А. Воинов. Пять дней: повесть и рассказы. 1984).

Соответственно, *по булату* может пониматься как ‘крепче не бывает’ (о честном слове). «Словарь Академии Российской», толкуя лексему *булат*, использует оценочное прилагательное со значением ‘высокая степень проявления признака’ *отменный*: «Уклад, которому особым искусством отменная придается твердость» [Словарь Академии Российской 1789–1794, т. 1: 380]. Сема ‘наивысшей пробы’ из буквального значения лексемы *булат* становится основой для переосмысления слова в роли интенсификатора. Такое преобразование можно отнести к сфере ребрендинга и включить в подтип формирования значения высокой степени на базе семантики завершенности, совершенства, эталонности. В результате семантического преобразования лексема утрачивает материально-вещественное осмысление и приобретает отвлеченную семантику, что позволяет ей встать в ряд выражений *по чести, по совести, по правде, по уму* с неконкретным по семантической природе существительным в составе.

Вторичная семантика формулы. Между значением максимальной или минимальной количественной оценки в формуле *(ни/и) по булату*, появившейся в результате ребрендинга и опирающейся на семантику беспримесности, с одной стороны, а на семантику наивысшей пробы, отменной обработки, с другой, и значением нормы, правильности, эталонности, свойственной формулам *по + датив*, видится некоторая связь. Количественная по природе сема интенсивности, крайней (наибольшей, наименьшей) степени проявления признака, идея экстремума может быть качественно переосмыслена как прототип, образец, должное, правильное. Идея максимального/минимального проявления соприкасается с представлением об идеале, образце (ср. *стоять на своем тверже стали*, *ни на йоту не отступить*). Проявление положительного свойства (например, честности) в наивысшей степени или полное отсутствие проявления отрицательного свойства (например, трусости) в этом случае осмысляются как норма, совершенство, полное соответствие требованиям (ср. *по большому счету*, *по гамбургскому счету*).

На энантиосемичность предлога и префикса *по (по-)* как на способность реализовать антонимичные значения ‘часто’ и ‘мало’ указывалось уже в «Словаре Академии Российской» [Словарь Академии Российской 1789–1794, т. 4: 939]: «Предлог сей входя в сложение глаголов и наречий означает учащение или уменьшение». Включение лексемы *булат* как наименования идеально чистой и твердой стали, прототипического, эталонного литья в конструкцию с предлогом *по + дательный*, склонную к превращению в дискурсивный или модальный показатель, в выразитель семантики нормы, правильности, эталонности, поддерживает переосмысление лексемы в результате ребрендинга и актуализацию у выражения значения полноты проявления признака или полного отсутствия его проявления.

Формула не закрепилась в языке, не сохранилась до наших дней. Последнее найденное употребление относится к XIX в. Возможно, она оказалась вытеснена конкурентами.

Литература

Баранов А. Н., Добровольский Д. О. (ред.). Словарь-тезаурус современной русской идиоматики. М.: Мир энциклопедий Аванта+, 2007. 1135 с.

Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008. 656 с.

Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Помовский и партнеры, 1993. 207 с.

Биржакова Е. Э. Описание фразеологического состава русского литературного языка XVIII века в «Словаре Академии Российской» 1789–1794 гг. // Материалы и исследования по лексике русского языка XVIII века / Под ред. Ю. С. Сорокина. М.–Л.: Наука, 1965. С. 251–270.

Герасимов Д. В. Интенсификатор *до ужаса* в русском языке на пути грамматикализации // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2016. Т. XII. № 1. С. 336–363.

Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка. В 4 т. М.: Русский язык, 1988.

Елистратов В. С. Словарь русского арго. М.: Русские словари, 2000. 694 с.

Зеленин А. В., Руднев Д. В. «Что значит этот фон»: история грамматикализации предложно-падежной формы *на фоне* // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 74. С. 43–60.

Карпова О. С., Рахилина Е. В., Резникова Т. И., Рыжова Д. А. Оценочные значения ребрендингового типа в признаковой лексике (по материалам Базы данных семантических переходов в качественных прилагательных и наречиях) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 25–29 мая 2011 г.). Вып. 10 (17). М.: РГГУ, 2011. С. 292–304.

Князькова Г. П. Лексика народной разговорной речи в комедии и комической опере 60–70-х годов XVIII века (материалы и наблюдения) // Материалы и исследования по лексике русского языка XVIII века / Под ред. Ю. С. Сорокина. М.–Л.: Наука, 1965. С. 136–225.

Крысин Л. П. О выражении лексической функции Magn в русской разговорной речи // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты: сборник статей в честь 80-летия И. А. Мельчука / Под ред. Ю. Д. Апресяна и др. М.: ЯСК, 2012. С. 344–348.

Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: ЯСК, 2004. 472 с.

Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. В 2 кн. Кн. 1. СПб.: Академия наук; Брокгауз-Ефрон, 1912. 1161 с.

Мокиенко В. М. Чем прудят пруд? // Мокиенко В. М. Почему так говорят? СПб.: Норинт, 2004. С. 396–399.

Рахилина Е. В. Лингвистика конструкций. М.: Азбуковник, 2010. 583 с.

Рахилина Е. В. Грамматикализация в сфере количества: русские идиомы // Пограничный русский язык. Как рождаются экспрессивные кванторные выражения / Под ред. Е. Р. Добрушиной, Я. Э. Ахапкиной. СПб.: Алетейя, 2019. С. 5–21.

Резникова Т. И., Печникова В. М. Чистая типология: о лексикализации семантики чистоты в славянских языках // Slavisticna Revija. 2021. Т. 69. № 1. С. 103–120.

Розенталь Д. Э. Справочник по русскому языку. Управление в русском языке. М.: Оникс 21 век: Мир и образование, 2002. 302 с.

Словарь Академии Российской. Т. 1. От А до Г. Т. 4. От М до П. СПб.: при Императорской Академии наук, 1789–1794. 1150 стлб.; 1272 стлб.

Степанов В. М. Неизданные тексты И. М. Долгорукова // XVIII век. Сборник 22 / Отв. ред. Н. Д. Кочеткова. СПб.: Наука, 2002. С. 409–430.

Чень Сюецин. Грамматикализация конструкции «по адресу» // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 3 (461). Филологические науки. Вып. 128. С. 36–42.

Яранцев Р. И. Русская фразеология. Словарь-справочник. М.: Русский язык, 1997. 845 с.

References

Baranov A. N., Dobrovol'skii D. O. (ed.). *Slovar'-tezaurus sovremennoi russkoi idiomatiki* [Dictionary-thesaurus of modern Russian idioms]. Moscow, Mir Ehntsiklopedii Avanta+ Publ., 2007. 1135 p.

Baranov A. N., Dobrovol'skii D. O. *Aspekty teorii frazeologii* [Aspects of the theory of phraseology]. Moscow, Znak, 2008. 656 p.

Baranov A. N., Plungyan V. A., Rakhilina E. V. *Putevoditel' po diskursivnym slovam russkogo yazyka* [Guide to the discursive words of the Russian language]. Moscow, Pomovskii i Partnery Publ., 1993. 207 p.

Birzhakova E. E. [Description of the phraseological composition of the Russian literary language of the 18th century in the "Dictionary of the Russian Academy" 1789–1794]. *Materialy i issledovaniya po leksike russkogo yazyka XVIII veka / pod red. Yu. S. Sorokina* [Materials and research on the vocabulary of the Russian language of the XVIII century (ed. by Yu. S. Sorokin)]. Moscow — Leningrad, Nauka Publ., 1965, pp. 251–270. (In Russ.)

Chen' Syuetsin. [Grammaticalization of the construction "at the address"]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, no. 3 (461). Filologicheskie nauki. Vyp. 128, pp. 36–42. (In Russ.)

Elistratov V. S. *Slovar' russkogo argo* [Dictionary of Russian argo]. Moscow, Russkie Slovari Publ., 2000. 694 p.

Evgen'eva A. P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka. V 4 t.* [The dictionary of Russian language in 4 vols.]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1988.

Gerasimov D. V. [Russian degree modifier *do uzhasa* on the grammaticalization path]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovanii RAN*, 2016, vol. XII, no. 1, pp. 336–363. (In Russ.)

Karpova O. S., Rakhilina E. V., Reznikova T. I., Ryzhova D. A. [Estimated values of the rebranded type in the indicative vocabulary (based on the database of semantic transitions in qualitative adjectives and adverbs)]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekh-*

nologii: Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii "Dialog" [Computational Linguistics and Intelligent Technologies: Based on the materials of the annual International Conference "Dialogue"] (Bekasovo, 25–29 maya 2011). Vyp. 10 (17). Moscow. RGGU, 2011, pp. 292–304. (In Russ.)

Knyaz'kova G. P. [Vocabulary of folk colloquial speech in comedy and comic opera in the 60s–70s of the 18th century (materials and observations)]. *Materialy i issledovaniya po leksike russkogo yazyka XVIII veka (pod red. Yu. S. Sorokina)* [Materials and research on the vocabulary of the Russian language of the XVIII century (ed. by Yu. S. Sorokin)]. Moscow — Leningrad, Nauka Publ., 1965, pp. 136–225. (In Russ.)

Krysin L. P. [On the expression of the lexical function Magn in Russian colloquial speech]. *Smysly, teksty i drugie zakhvatyvayushchie syuzhety: sbornik statei v chest' 80-letiya I. A. Mel'chuka, pod red. Yu. D. Apresyana i dr.* [Meanings, texts and other exciting stories: a collection of articles in the chest of the 80th anniversary of I. A. Melchuk, ed. by Yu. D. Apresyan and others]. Moscow, YASK Publ., 2012, pp. 344–348. (In Russ.)

Kustova G. I. *Tipy proizvodnykh znachenii i mekhanizmy yazykovogo rasshireniya* [Derived value types and language extension mechanisms]. Moscow, YASK Publ., 2004. 472 p.

Mikhel'son M. I. *Russkaya mysl' i rech'. Svoe i chuzhoe. Opyt russkoi frazeologii. Sbornik obraznykh slov i inoskazanii. V 2 kn. Kn. 1* [Russian thought and speech. Yours and someone else's. Experience of Russian phraseology. Collection of figurative words and parables]. St. Petersburg, Akademiya nauk; Brokgauz-Efron, 1912. 1161 p.

Mokienko V. M. [What is pond ponding?]. Mokienko V. M. *Pochemu tak govoryat?* [Why do they say so?]. St. Petersburg, Norint Publ., 2004, pp. 396–399. (In Russ.)

Rakhilina E. V. *Lingvistika konstruktsii* [Linguistics of constructions]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2010. 583 p.

Rakhilina E. V. [Grammarization in the sphere of quantity: Russian idioms]. *Pogranichnyi russkii yazyk. Kak rozhdayutsya ehkspressivnye kvantornye vyrazheniya (pod red. E. R. Dobrushinoi, Y. E. Akhapkinoi)* [Border Russian language. How expressive quantifier expressions are born]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2019, pp. 5–21. (In Russ.)

Reznikova T. I., Pechnikova V. M. [Pure typology: On the lexicalization of the semantics of purity in the Slavic languages]. *Slavisticna Revija*, 2021, vol. 69, no. 1, pp. 103–120. (In Russ.)

Rozental' D. E. *Spravochnik po russkomu yazyku. Upravlenie v russkom yazyke* [Reference book on the Russian language. Government in Russian]. Moscow, Oniks 21 vek: Mir i Obrazovanie Publ., 2002. 302 p.

Slovar' Akademii Rosciiskoi (*T. 1. ot A do G. T. 4. ot M do P)* [Dictionary of the Russian Academy (Vol. 1 from A to G; vol. 4 from M to P)]. St. Petersburg: pri Imperatorskoi Akademii nauk, 1789–1794. 1150 stlb.; 1272 stlb.

Stepanov V. M. [Unpublished texts by I. M. Dolgorukov] *XVIII vek. Sbornik 22 (otv. red. N. D. Kochetkova)* [XVIII century. Compilation 22]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2002, pp. 409–430. (In Russ.)

Yarantsev R. I. Russkaya frazeologiya. Slovar'-spravochnik [Russian phraseology. Dictionary reference]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1997. 845 p.

Zelenin A. V., Rudnev D. V. ["What does this fon mean?": The history of grammaticalization of the prepositional case form *na fone*]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 2021, no. 74, pp. 43–60. (In Russ.)